

щаль Румянцовъ, „безъ всякихъ обрядовъ министеріальныхъ, а единственно скорою военною ухваткою“. Въ деревнѣ Кучукъ-Кайнарджи 5 іюля 1774 г. въ палатку Румянцова явились турецкіе уполномоченные и тутъ же въ теченіе четырехъ часовъ „согласили, постановили, заключили, подписали и печатями утвердили“ мирный договоръ, а тексты его обмѣняли 10 іюля; о немъ въ теченіе четырехъ лѣтъ воюющіе не могли сговориться, пока Австрія и Пруссія помогали имъ въ качествѣ посредниковъ. „Скорая военная ухватка“ Румянцова оказалась болѣе пригодна. Договоръ призвалъ къ жизни то, что вѣками, порою, инстинктивно, порою, сознательно, желалъ русскій народъ, желали и руководители его судебъ, когда они были проникнуты пониманіемъ національныхъ интересовъ.

Въ XVIII ст., да и позднѣе, рѣдко встрѣтимъ международное соглашеніе, которое не касалось бы территоріальныхъ пріобрѣтеній побѣдителя. Постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора въ этомъ отношеніи—особенно, въ условіяхъ того времени—свидѣтельствуютъ о скромности русскихъ требованій. Правда, за два года передъ тѣмъ Россія по раздѣлу Польши получила бѣлорусскія земли и отказалась поэтому отъ Молдавіи и Валахій. Но скромность территоріальныхъ требованій Россіи послѣ почти шестилѣтней тяжелой войны, особенно ясна, если обратимъ вниманіе, что Австрія, союзница Турціи, союзница за вознагражденіе въ два милліона флориновъ, присоединяетъ къ себѣ послѣ чужой для нея русско-турецкой войны Буковину. „Много говорятъ по поводу нашего поступка, писалъ австрійскій императоръ, между тѣмъ я не понимаю, какъ можно его считать дурнымъ, послѣ того какъ мы сами взяли на себя трудъ мирно уладить это дѣло съ Турціею!“ Россія въ 1774 г. пріобрѣла городъ Азовъ съ его уѣздомъ и крѣпости Керчь, Еникале и Кинбурнь и, такимъ образомъ, осуществила задачу „единожды рѣшить всѣ трудности въ полученіи намъ этаблисмента на Черномъ морѣ“.

Мысль о такомъ „этаблисментѣ“ высказывала Екатерина II, указывая адмиралу Сенявину, что „на первый случай въ томъ только и нужда, чтобы ближайшее скорѣе получить въ свои руки (взять Еникале, Керчь и Кинбурнь) и поставить въ немъ для переду твердую и непоколебимую ногу права собственности и соучаствванія нашего въ тамошнихъ водахъ, коими Россія столь долгое время другимъ уваженіямъ жертвовать принуждена была“. Выраженіе „на первый случай“ знаменательно, такъ какъ уже въ Кучукъ-Кайнарджійскомъ договорѣ имѣется постановленіе о „вольности и совершенной независимости“ крымскихъ татаръ, находи-